

Цзинь Чжэнь и Мань Си испугались и хотели немедленно уйти. К сожалению, они были на шаг медленнее, чем служанка Хан Ши.

Они увидели, как коренастая слуга поспешно подошла. Взглянув на Цзинь Чжэнь, она очень грубо и громко сказала: «Наложница-мать Цзинь Чжэнь, почему вы прячетесь здесь?»

Этот крик поразил Хан Ши и Фен Дай. Даже исполнитель на сцене остановился. Прямо глядя в сторону Цзинь Чжэнь, у Хан Ши не было времени убрать улыбку с ее лица. Так же, как она собиралась начать кричать, Фен Дай схватила ее за запястье. Затем она услышала, как Фен Дай громко сказала: «Значит, это была наложница-мать Цзинь Чжэнь. Пей’ер, немедленно пригласите наложницу присесть».

Слуга по имени Пей’ер обернулась и поклонилась Фен Дай, сказав: «Да». Ее выражение лица было неподвижным, и она жестом предложила Цзинь Чжэнь пойти вперед: «Мать-наложница, пожалуйста, пожалуйста». Ее отношение было совсем не теплым. Вместо этого, как будто она судила преступника, и это заставило Цзинь Чжэнь содрогнуться.

Мань Си быстрее отреагировала и сказала: «Мы просто проходили мимо. Услышав, что были звуки пьесы, мы пришли посмотреть. Мы не будем продолжать беспокоить четвертую молодую мисс и наложницу-мать Хан». Когда она это сказала, она оттащила Цзинь Чжэнь и ушла.

Но Пей’ер двигалась очень быстро и заблокировала путь побега. Она не говорила много, просто повторяя: «Четвертая молодая мисс пригласила вас».

Мань Си нахмурила лоб, поскольку она знала, что с сегодняшним делом, возможно, не слишком легко справиться. Хан Ши явно искала неприятности. Если бы это была только она, с ней было бы легче справиться. В конце концов, все они были наложницами. Никто не был более высокого ранга, чем другой. Тем не менее, Фэн Фен Дай присутствовала здесь. Хотя она была только дочерью наложницы, ее положение в семье было выше, чем у наложницы.

«Давайте пойдем и посмотрим», - беспомощно сказала Цзинь Чжэнь и обернула плащ вокруг себя. Затем она прошла в сад.

Хан Ши наблюдала, как шаг за шагом приближалась Цзинь Чжэнь. Увидев, что она носила дорогой зимний плащ, ее сердце было не на месте.

Несколько дней назад Фэн Цзинь Юань каким-то образом сумел приобрести немного ткани. Не помещая ее в фонды усадьбы, он прямо использовал ее, чтобы сделать комплект одежды для Цзинь Чжэнь. В усадьбе было много женщин, но был только один набор одежды. Она была очень ревнива, но она могла только беспокоиться об этом.

Теперь, когда Цзинь Чжэнь носила эту одежду перед ней, если она не пыталась причинить беспокойство, тогда что это было?

Думая об этом, гнев Хан Ши вырос еще больше. Яростно оглянувшись на Цзинь Чжэнь, она холодно спросила: «Что ты делаешь, прокрадываясь сюда, вместо того, чтобы послушно оставаться в своем собственном дворе?»

Цзинь Чжэнь не собиралась спорить, только говоря: «Старшая сестра организовала пьесу, которую может услышать половина поместья Фэн. Младшая сестра просто заглянула из

любопытства и собиралась уйти».

«Из любопытства?» Хан Ши фыркнула: «Так как вы пришли, почему вы не вошли нормально, а вместо этого решили прокрасться?» Она направила взгляд ко второму исполнителю на сцене: «Младшая сестра не должна была найти исполнителя очаровательным, не так ли?»

«Старшая сестра, не говори глупости». Лицо Цзинь Чжэнь покраснело: «Я действительно просто хотела взглянуть, и я уже собиралась вернуться».

Фен Дай взглянула на Цзинь Чжэнь, затем сказала: «Мать-наложница, не будьте в такой спешке. Поскольку вы пришли, почему бы нам не посидеть с нами какое-то время и посмотреть. Ой, правильно» Она посмотрела на чашки чая на столе: «У нас кончился чай. Мы побеспокоим мать-наложницу, пусть она подольет нам еще».

Цзинь Чжэнь стиснула зубы и подумала про себя: эта четвертая молодая мисс любила неприятности с детства. Несмотря на то, что она намного старше, ее проблема не была решена.

Но она не решилась пойти против Фен Дай. В конце концов, независимо от того, имела ли она дело с дочерью первой жены или дочерью наложницы, наложница считалась слугой и не могла быть представлена. Не было и речи о том, чтобы молодая мисс что-то делала сама.

Она подошла и взяла чайник, чтобы налить Фен Дай чай.

Изначально она была слугой, поэтому ее не беспокоило, что она налила чай. Она не задыхнулась, и ее руки не дрогнули, когда она неуклонно наливала чашку чая.

«Четвертая молодая мисс, вот твой чай». Положив чайник, она поклонилась.

Фен Дай подняла чашку чая и поднесла ее ко рту. Внезапно ее выражение лица стало уродливым, поскольку она яростно бросила чашку чая на землю.

Чаша разбилась, ударившись о землю, и чай разлился.

«Ты хочешь сжечь меня заживо?» - закричала Фен Дай, затем сердито посмотрела на Цзинь Чжэнь: «Какое у тебя сердце? Наливая такой горячий чай, ты хочешь сжечь меня до смерти?»

Мань Си больше не могла выдержать и начала говорить: «Чайник с чаем уже стоял на столе какое-то время. Четвертая молодая мисс долгое время его пила. Как он может быть горячим?»

«Ты говоришь со мной?» Фен Дай рассердилась: «Хорошо! Разумеется, вы слуги, которые пришли из двора Цзинь Юй, более остры на язык, чем другие, но вы ничего не узнали из правил. Какой у вас статус? Какой статус тогда должен быть у меня. Разве вы имеете право высказываться?»

Мань Си знала, что она зашла слишком далеко. Некоторое время она не знала, что ей делать.

Цзинь Чжэнь была беспомощна и знала, что им не повезло столкнуться с этой матерью и дочерью. Фэн Фен Дай явно мучилась от их присутствия, но Мань Си все еще говорила и беспокоила ее. Кто знал, какие проблемы могут возникнуть.

Она стиснула зубы и отругала Мань Си: «Вам не хватает дисциплины! Когда мастер говорит, кто еще может говорить? Ты должна ударить себя!»

Мань Си знала, что Цзинь Чжэнь делала это, чтобы спасти ее из этой ситуации, поэтому она подняла руку и дважды ударила себя по лицу без возражений.

Видя, как Мань Си ударила себя, Хан Ши и Фен Дай начали чувствовать себя взволнованными. Раньше Цзинь Чжэнь и Мань Си были людьми Чэнь Ши. Чэнь Ши была главной женой и всегда была высокомерной и властной. Она даже подняла статус слуг в своем собственном дворе. Каждый из них был высокомерным до невозможности. Фэн Фен Дай была просто дочерью наложницы, и эти двое всегда смотрели на нее сверху вниз.

Теперь, однако, все было иначе. Чэнь Ши умерла, и их статусы изменились. Добавляя, что Фэн Цзинь Юань больше не находился в усадьбе, чтобы защитить их, они были поистине персидскими фениксами.

Нет, Фэн Фен Дай не верила, что двое были фениксами. Они были не чем иным, как игрушками для людей.

«Хмф». Она впиалась взглядом в Цзинь Чжэнь и фыркнула. Когда слуга услышала звук шевелящихся веток, она была не более чем вороной. Если бы она хотела стать фениксом, шансов не было.

Хан Ши внезапно придумала неприятную идею «Цзинь Чжэнь, ты умеешь петь?»

Цзинь Чжэнь была ошеломлена, а затем покачала головой: «Нет, не умею».

Фен Дай также покачала головой: «Если ты не умеешь, то сможешь научиться! Наложница мать Хан любит смотреть эти пьесы. Вчера отец также сказал ей, что мы можем пригласить действующие труппы в поместье. Сегодня вся труппа просто бывает здесь. Как насчет того, чтобы вас учили исполнители. После того, как вы научитесь, вы можете выступить для нас».

Цзинь Чжэнь почувствовала волну унижения. Независимо от того, что она была женщиной Фэн Цзинь Юаня, Фэн Фен Дай хотела, чтобы она научилась петь у этих исполнителей? Как она могла научиться такой низкой профессии?

Увидев, что Цзинь Чжэнь стояла там, не двигаясь, Хан Ши дала строгий ответ: «Что это? Вы осмеливаетесь игнорировать приказы четвертой молодой мисс?»

Цзинь Чжэнь была обеспокоена и посмотрела на Фен Дай: «Если четвертая молодая мисс и старшая сестра Хан хотят посмотреть пьесу, то для этого есть специальные исполнители. Цзинь Чжэнь действительно ...»

«Я сказала тебе, чтобы ты выступала, так что ты выйдешь!» Фен Дай внезапно взорвалась от криков. Эти крики заставляли даже Хан Ши дрожать. «Почему ты все еще стоишь? Иди на сцену!»

Пей'ер увидела, что ее хозяйка рассердилась и быстро потянула Цзинь Чжэнь. Вложив некоторые силы в ее руки, ее хватка вызвала большую боль в руке Цзинь Чжэнь. «Четвертая молодая мисс сказала наложнице, чтобы она вышла на сцену, так быстро поднимитесь!»

Цзинь Чжэнь покачала головой: «Четвертая молодая мисс, ты не можешь так поступать».

«Почему я не могу?» Фэн Дай вызывающе посмотрела на нее: «Наложница на самом деле смеет говорить, что молодая мисс усадьбы не может что-то делать? У вас есть на это право?»

Пей'ер вмешалась своевременно: «Мать-наложница, подумайте об этом. Четвертая молодая мисс имеет фамилию Фэн, а вы просто наложница, которая не может даже использовать свое собственное имя».

С этими словами Цзинь Чжэнь протрезвела.

Это верно. Какое право она должна была иметь, чтобы сказать «нет» Фэн Фен Дай? Даже если она явно издевалась над ней, что она могла сделать?

Думая так, она больше не отбивалась. Повернувшись, она взглянула на сцену, где игра остановилась. Сжав зубы, она подошла.

Исполнитель отошел в сторону и дал Цзинь Чжэнь место. Затем он улыбнулся Хан Ши и спросил: «Могу я спросить, что должна делать эта мадам, которая вышла на сцену?»

Хан Ши хихикнула: «Какая мадам. Она не более чем наложница».

Мань Си посмотрела на Хан Ши и подумала, что эта женщина уже достигла определенного уровня бесстыдства. Она также была наложницей, но на самом деле она сказала такое.

Цзинь Чжэнь уже потеряла интерес к спорам с Хан Ши, только сказав: «Младшая сестра по-настоящему не знает, как действовать. Старшая сестра, пожалуйста, не продолжайте беспокоить меня». Однако в ее сердце она молилась, чтобы Фэн Юй Хэн в этот раз пришла в сад. Фэн Цзинь Юань покинул столицу, поэтому единственным, кто мог ее защитить, была вторая молодая мисс.

Фэн Фен Дай подняла новую чашку чая и посмотрела на сцену. Глаза ее прищурились, и она спросила Цзинь Чжэнь: «Хорошо воспитанная молодая леди обладает навыками в четырех искусствах. Даже если вы не владеете всеми ими, вы все равно должны быть опытными в одном или двух из них. Какой из них вы можете показать? Вы не знаете ни одного из четырех искусств, и вы не знаете, как действовать. Что конкретно вы можете делать? Как могло случиться так, что наша усадьба Фэн смогла взять такую девушку?»

Слова Фэн Фен Дай становились все более уродливыми и уродливыми. Цзинь Чжэнь могла только испытать шок на сцене. Ей казалось, что она уже была полностью оскорблена, но у нее не было никакой силы сопротивляться.

Хан Ши помахала исполнительнице: «Продолжайте исполнение. Измените мелодию на ту, что подойдет».

Артист тоже неплохо распоряжался желаниями толпы, когда он пел о слуге, который стал мастером, из-за которого Хан Ши плакала от смеха.

Фен Дай тоже рассмеялась, но она также напомнила Хан Ши: «Ты не можешь смеяться слишком сильно. Будь осторожна, чтобы не вызывать осложнений при беременности».

Хан Ши выпустила очередной взрыв смеха, а затем погладила голову Фен Дай: «Как это может быть так быстро! Четвертая молодая мисс слишком молода. Это нормально, чтобы не понимать такие вещи». Хотя она сказала это, она очень беспокоилась о том, может ли она забеременеть. Прошло столько лет. Когда Фэн Цзинь Юань любил ее раньше, она только смогла родить только Фен Дай. Как могло быть возможно, что этот один раз заставит ее живот принять меры? Но если она действительно не забеременела, не говоря уже о постоянных жалобах Фен Дай, даже она не почувствовала бы себя примиренной.

Перед сценой пара матери и дочери была чрезвычайно высокомерной, в то время как на сцене Цзинь Чжэнь не могла сдержать несколько слез, в то время как исполнитель продолжил игру. Она не знала, сколько ей нужно будет стоять здесь, так как вторая молодая мисс не появилась тогда, как она надеялась. На самом деле, никто больше в усадьбе не пришел в сад. Она начала понимать, что она была слишком импульсивной и слишком любопытной.

Между тем, в это время Фэн Юй Хэн находилась в своем аптечном пространстве, готовившись к операции на ногах Сюань Тянь Мина.

Она уже могла определить, какой тип перелома у него был, но ей пришлось ждать рентгена, прежде чем она смогла определить тяжесть.

Ни одна из вещей в аптеке не имела проблемы со сроком годности. Фактически, даже лекарство, используемое для операции, было в лучшей форме. Ее скальпель не ржавеет, и ватные тампоны не становятся сухими. На ее операционном столе не было ни пылинок. Тем не менее, она все еще тщательно очищала скальпель и другие поверхности.

В первый день, когда она приехала в этот мир, она лечила ноги Сюань Тянь Мина. В то время она считала, что уже вылечила их; однако она не думала, что ноги, которые она лично вылечила, снова будут ранены от рук офицеров Цянь Чжоу. Как она должна была примириться с этим?

<http://tl.rulate.ru/book/10472/346748>